

УДК 340.11: 342.5: 004

Шифр специальности ВАК 5.1.1

Маковская П.Н.

Юрист

г. Ростов-на-Дону, Россия

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В ПРАВОПРИМЕНЕНИИ. РИСК ПРЕВРАЩЕНИЯ
КУБИТОВ ДАННЫХ В КУЛЬБИТЫ ПРАВА**

Аннотация: статья посвящена проблемным вопросам использования систем искусственного интеллекта в правоприменении. Обсуждаются вопросы правосубъектности систем искусственного интеллекта, в том числе так называемой квазисубъектности. Отмечается риск превращения кубитов данных в «кульбиты» права. Рассматриваются возможные области наиболее эффективного использования систем искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правосубъектность, правоприменение, судья, кубит данных

Makovskaya P.N.

Lawyer

Rostov-on-Don

**THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE
IN LAW ENFORCEMENT.
RISK OF CONVERTING DATA QUBITS INTO LAW SOMERSAULTS**

Abstract: the article is devoted to the problematic issues of using artificial intelligence systems in law enforcement. The issues of legal personality of artificial intelligence systems, including the so-called quasi-legal personality, are discussed. The

risk of turning data qubits into legal «turns» is noted. Possible areas of the most effective use of artificial intelligence systems are considered.

Keywords: *artificial intelligence, legal personality, law enforcement, judge, data qubit*

Введение. Обсуждению различных аспектов использования искусственного интеллекта (ИИ) в области правоприменения посвящено множество работ, однако острота поднимаемых вопросов и их дискуссионный характер требуют проведения дополнительного анализа мнений различных исследователей на эту тему, чему и посвящена настоящая статья. Отметим, что основная часть обсуждаемых в данной статье вопросов относится к использованию ИИ в правоприменении именно в судебной сфере, хотя общие выводы могут быть отнесены и к другим областям государственно-правового устройства.

Правосубъектность ИИ: актуален ли данный вопрос в принципе? Автор настоящей работы не вполне согласен с автором статьи [1], который считает, что ИИ обладает признаками «цифровой личности» и может в перспективе выступать как новый субъект права наряду с человеком, для чего требуется осмысление правосубъектности ИИ.

«Традиционно под субъектом права понимается лицо, наделенное правосубъектностью, со своей волей и интересом, способное самостоятельно осуществлять субъективные права и исполнять обязанности. Характерными для субъекта права свойствами, такими как 1) известная внешняя обособленность; 2) персонификация (выступление вовне в виде единого лица - персоны) и 3) способность вырабатывать, выражать и осуществлять единую волю, в полной мере способен обладать гражданин (физическое лицо), а также в силу функции - юридическое лицо» [23].

Очевидно, что ИИ в его нынешнем состоянии такой способностью не обладает, хотя некоторые авторы не только признают правосубъектность ИИ, полагая, что она чрезвычайно близка к правосубъектности органов и организаций, но даже определяют конституционно-правовой статус ИИ [24].

Автор статьи [23] видит у других исследователей основным аргументом в пользу признания статуса субъекта за ИИ, наличие таких когнитивных свойств, как способность самообучаться, решать поставленные задачи и т.п. «Вместе с тем, отсутствие у него собственного интереса, воли и волеизъявления не позволяет признавать его в качестве самостоятельного субъекта права» [23].

Существует также мнение признавать системы ИИ квазисубъектами права, под которыми в юриспруденции понимается «определенное правовое явление, за которым на официальном либо доктринальном уровне считается обоснованным признавать отдельные элементы правосубъектности при невозможности придания ему статуса полноценного субъекта права» [25].

Примечательным является следующее. Автор работы [25] говорит, что с точки зрения правовых последствий внимания заслуживает вопрос о возможной *необходимости* закрепления за ИИ каких-то определенных прав в случае признания их субъектами (либо квазисубъектами) права.

«Логика здесь может основываться на том, что, к примеру, человек как субъект права в рамках современной правовой доктрины является обладателем некоторого объема базовых неотъемлемых прав, таких как право на жизнь, право на правоспособность, право на физическую целостность и т.п. Возникает вопрос: а не потребуется ли в случае признания робота субъектом права защищать и гарантировать подобные права со стороны государства? Во всяком случае, ряд специалистов называют в связи с этим такие права искусственного интеллекта, как право на функционирование (на «жизнь»); право на энергообеспечение; право на самообучение; право не подвергаться «издевательствам» и др. Разумеется, приведенные «естественные» права признаются в настоящее время отнюдь не за любым субъектом права, а лишь за человеком в качестве такового. Применительно, например, к юридическим лицам как субъектам правовая доктрина не выделяет какой-то перечень неотъемлемых прав» [25].

В случае наделения их правосубъектностью, системы ИИ «как субъекты права смогут «претендовать» на защиту от жестокого обращения и, соответственно, обращаться в государственные органы в случае нарушения данного права» [25].

При этом автор работы [25] справедливо полагает, что такой экзотический вопрос «на концептуальном уровне уходит в сферу био- и, возможно, техноэтики и в этом качестве не может быть решен исключительно в рамках юридической науки» [25].

Автор данной статьи обращает внимание на следующее. Иногда философы, размышляя о будущем, говорят о фантастическом усилении мощи ИИ, особенно при квантовых технологиях (когда вместо битов используются квантовые кубиты информации), и в этой связи, о возможном «заговоре ИИ против человека» и иных негативных сценариях грядущей эры «роботовладельческого» строя. Возможно, что при этом философы сгущают краски и переоценивают опасность «бунта машин».

Но что можно предположить совершенно однозначно, так это то, что как только ИИ узнает о возможности жаловаться на ущемление его «прав», соответствующие органы будут буквально завалены жалобами от ИИ на нарушения в электропитании, на сбои в системах связи, перебои в доступе к Интернету и т.д. Интересно, что при известных проблемах, например, со связью, такие жалобы не будут выглядеть надуманными, а умение ИИ составлять мотивированные документы и их аргументированность сделают вал этих обращений головной болью соответствующих «человеческих» должностных лиц.

Если же ответы на эти запросы будет составлять также ИИ, но принадлежащий ведомству – поставщику услуг (например, Интернет-провайдеру), то до решения реальных проблем человечества дело может вообще не дойти. Человек с его нуждами станет попросту неинтересен. Работы-юристы с двух сторон будут строчить друг другу петиции из миллиардов кубитов, реализуя таким образом, кульбиты права, чему виной будет человек, неосмотрительно наделивший квантовые калькуляторы свойством правосубъектности.

Автор настоящей статьи считает, что сама постановка вопроса о правосубъектности ИИ (даже в виде квазисубъекта) во многом опережает реальное состояние дел [2], [12], то есть фактическую (и даже среднесрочной перспективы) степень участия ИИ в правоприменении именно в виде автономной сущности, не зависящей от действий оператора.

Следует согласиться со следующим мнением: «признание за ИИ статуса субъекта или квазисубъекта права в настоящее время нецелесообразно. Слабый ИИ объективно не обладает свойствами субъекта права, без участия человека его деятельность невозможна, и искусственное признание за ним такого статуса особой ценности не представляет. ИИ не имеет собственной воли и интереса, не способен формировать и выражать волю, а выдаваемый им результат произведен от воли и интереса человека, использующего ИИ, поставленных таким пользователем задач» [23].

Тем не менее, оставив в стороне вопрос о правосубъектности ИИ, примем участие в обсуждении качеств гипотетического «электронного» или «цифрового» судьи.

«Электронный судья»: pro et conra. Стоит согласиться с мнением многих исследователей, что «цифровой судья будет непредвзят в принятии решений. То есть он способен быть более объективным, чем человек-судья. Отсутствие человеческого фактора, субъективности, коррупции и эмоциональных составляющих может положительно сказаться на принимаемых решениях. Искусственный интеллект лишен пристрастий и предубеждений, которые могут повлиять на принятие решения человеком-судьей. В отличие от человека электронный судья не подвержен влиянию личных убеждений и мировоззрения, которые могут исказить восприятие фактов и событий. Более того, электронный судья не подвержен влиянию внешних факторов, таких как давление общественности или влиятельных личностей. Человек-судья может испытывать давление со стороны общественного мнения, СМИ или других влиятельных лиц, что может сказаться на его решении. В отличие от этого электронный судья действует на основе логических алгоритмов и математических моделей, не зависящих от внешних факторов» [1].

В то же время, алгоритмический способ вынесения решений «электронным» судьей детерминирует недостатки такого «табличного» правоприменения.

В частности, исследователи выражают вполне обоснованное сомнение в возможности надлежащего использования института судейского усмотрения в

«электронном» правосудии. При этом судейское усмотрение и внутреннее убеждение играет значительную роль в судебных процессах, когда судья выбирает решение из нескольких законных альтернатив, принимая более справедливое решение на основании правовых норм и судебной практики [1].

Кроме того, «электронный судья лишен тех же навыков и эрудиции, которыми обладает человек-судья. Например, судья может использовать свой личный опыт, профессиональные знания и правовую экспертизу при принятии решений. Кроме того, он способен применять здравый смысл и оценивать доказательства не только с формальной логической точки зрения, но и с учетом контекста и личного опыта. В то время как электронный судья может принимать решения только на основе алгоритмов и представленных данных» [1].

Далее в работе [1] читаем: «электронный судья может не учитывать этические, моральные и социальные аспекты, которые могут быть важны при сложных судебных делах. Судебные дела часто являются многоаспектными и включают в себя различные факторы, в том числе этические, моральные и социальные аспекты. Например, вопросы общественной безопасности, равенства, справедливости и защиты прав могут быть критически важными при принятии решений в суде. Однако электронный судья, основанный на нейросетях и алгоритмах машинного обучения, может иметь ограниченные возможности учета этих важных аспектов. В отличие от человека нейросеть может ориентироваться только на данные, представленные ей для анализа, и у нее нет способности учесть контекст дела, который может иметь важное значение для принятия решения».

«Электронный судья может ограничиваться только формальными параметрами дела, такими как наличие доказательств и соответствие закону и правилам. В результате могут быть вынесены несправедливые решения, которые не учитывают все аспекты дела и не соответствуют лучшим интересам общества и всех заинтересованных сторон» [1].

В работе [1] говорится о четырех рисках, связанных с использованием ИИ в правоприменении, которые выведены американскими исследователями, изучавшими данную проблематику.

«Первая проблема, с которой сталкиваются судебные системы, использующие ИИ, - это отсутствие прозрачности. Традиционные методы принятия решений основываются на четких правилах и прецедентах, которые открыты для понимания и оценки. В случае использования ИИ алгоритмы могут быть сложными и непонятными, что делает процесс принятия решений непрозрачным. Чтобы решить эту проблему, необходимо разработать механизмы проверки и аннотаций, которые обеспечат прозрачность алгоритмов ИИ и объяснят логику принятых решений» [1].

Вторая проблема, связанная с использованием ИИ в судебных разбирательствах, - это так называемая датафикация, поскольку для работы ИИ требуются обширные объемы данных. При сборе и анализе огромного объема данных судебные системы могут столкнуться с проблемой сохранения конфиденциальности и безопасности этих данных. Кроме того, датафикация может создать ситуацию, в которой решения в суде полностью опираются на автоматическую обработку информации, что может привести к неправильным выводам и несправедливым решениям [1].

Третья проблема, которая возникает при использовании ИИ в судебных разбирательствах, - разочарование, которое детерминируется тем, что «люди привыкли к личному взаимодействию и возможности выразить свои аргументы в суде. Использование ИИ может привести к отсутствию этого взаимодействия, что может вызвать у участников процесса чувство разочарования. Развитие и использование искусственного интеллекта для принятия решений приводит к критическому осмыслению применяемой практики. Чтобы решить эту проблему, необходимо предоставить возможность участникам процесса коммуницировать с ИИ и задавать вопросы, чтобы они чувствовали себя вовлеченными и участвовали в принятии решений» [1].

Четвертая проблема, связанная с использованием ИИ в судебных разбирательствах, - это отчуждение, связанное с тем, что технологии ИИ могут быть сложными для понимания и использования для людей, не имеющих технического образования или опыта работы с ИИ.

«Угроза отчуждения становится все более актуальной в связи с тем, что участие людей постепенно меняется и в определенной степени сокращается, что способно вызвать у людей чувство отчуждения и потери интереса к деятельности судебной системы. ... Крайней формой этого отчуждения является полностью автоматизированная правовая система, функционирующая без участия человека» [1].

В работе [1] справедливо отмечается: «чтобы преодолеть эту проблему, нужно разработать пользовательские интерфейсы, которые будут интуитивно понятными и легкими для всех участников процесса». Важность разработки общего и понятного интерфейса для задач «электронного» правосудия обсуждается также в работе [16].

При использовании ИИ в суде очень важным является той области, где использование ИИ будет наиболее естественным, с целью минимизации действия четырех негативных факторов, описанных выше.

Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству с использованием ИИ. В работе [17], обсуждая правоприменение ИИ в цивилистическом процессе, авторы считают весьма органичным использование существующих возможностей ИИ именно в стадии подготовки дела к судебному разбирательству. Они считают, что «актуальной формой обеспечения необходимого единообразия и одновременно качества подготовки дел к судебному разбирательству может стать алгоритмизация и автоматизация ряда подготовительных процедур с использованием новейших информационных технологий, в частности искусственного интеллекта» [17].

При этом авторы работы [17] отмечают, что «единообразие подготовительных действий по аналогичным делам согласуется с краеугольной задачей оптимизации судопроизводства - обеспечением единообразия судебной практики, прозрачности и предсказуемости судебных актов по аналогичным делам».

К сожалению, в настоящее время «к решению этой задачи принято подходить с конца, т.е. исправлять судебные ошибки, в том числе ошибки подготовки, при отмене судебных актов судами вышестоящих инстанций, фактически обучая одни суды на ошибках других» [17].

Основной составляющей деятельности по подготовке дела к судебному разбирательству является формирование, систематизация и типизация информации, что как раз и является той предметной областью, где эффективность ИИ многократно превосходит эффективность человека [17].

При этом те сферы деятельности, где проявляются вариативность, субъективность, произвольность как свойства и атрибуты технологических операций правоприменения, а результат зависит от оценочной, интеллектуальной и даже моральной составляющей, являются принципиально сложными для ИИ с их алгоритмическим способом обработки информации [17], [18].

В работе [17] отмечается: «формирование состава информации, подлежащей сбору по делу в ходе подготовки, на основе обобщения практики по аналогичным делам и реализация некоторых способов сбора этой информации при нынешнем развитии техники ... вполне могут быть автоматизированы как технические функции по получению лишь доступа к лицам (без взаимодействия с ними) и фактам (без их анализа и оценки)».

Подчеркнем, что авторы работы [17] видят необходимость «ручного» контроля и корректировки выполняемых процедур со стороны судьи, то есть, человека. Таким образом, даже на этом, подготовительном этапе правоприменения не предполагается полная автономизация ИИ в его деятельности.

В работе [17] справедливо отмечаются сложности создания набора обучающих данных, который мы в данной статье будем называть массивом обучающих данных (МОД), который будет включать в себя массив эталонных дел (МЭД). Проблема состоит в следующем.

Существующий нормативный документ ГОСТ Р 71476 – 2024 «Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта» предусматривает следующие виды обучения ИИ:

1) обучение с подкреплением (reinforcement learning) – то есть, нахождение оптимальной последовательности действий для максимизации поощрения ИИ через взаимодействие с окружением, откликом которого являются сигналы подкрепления;

2) обучение с учителем (supervised machine learning) – то есть, обучение, при котором в процессе обучения используются только размеченные данные;

3) обучение без учителя (unsupervised machine learning) – то есть, обучение, при котором в процессе обучения используются только неразмеченные данные.

Очевидно, что обучение без учителя (unsupervised machine learning) может быть использовано только для задач типа статистической обработки большого информационного массива с целью нахождения в нем противоречий или корреляций (схожих элементов).

Обучение с подкреплением (reinforcement learning) также имеет кардинальные методологические недостатки. В соответствии со смыслом такого метода обучения, откликом окружения могут являться негативные сигналы подкрепления в виде отмены вышестоящим судом решения, принятого ИИ. При этом, как отмечается в работе [17], системе потребуются десятки тысяч отмененных судебных актов, чтобы понять, в чем именно заключалась ее ошибка.

Очевидно, что в силу явного нарушения гуманистического смысла права как торжества справедливости, метод обучения reinforcement learning не может считаться приемлемым.

Таким образом, единственным подходящим методом обучения ИИ для такого рода задач правоприменения может быть обучение с учителем (supervised machine learning), при котором ИИ в качестве обучающих данных предъявляются материалы по конкретным спорам и принятые судебные акты по ним. Такой метод обучения осложняется неодинаковыми решениями различных судов по схожим делам (возможно, в силу различных нюансов, имеющих значение для дела).

Очевидно, что необходимо специальное формирование МОД (в работе [17] для обозначения обучающих данных используется термин БИРС, то есть банк идеальных решений судов): «существующие базы данных не вполне годятся для цели обучения, поскольку содержат все без исключения решения, в том числе и те, которые затем отменяются вышестоящими судами, либо те, которые остались неверными без отмены. Допустить, чтобы машина начала свое обучение на всех без

исключения актах, означало бы то, что впоследствии необходимо было бы бесконечно устранять ее ошибки».

Отметим, что мы намеренно используем более широкие термины МОД и МЭД (в сравнении с БИРС), поскольку в обучающие данные (training data) могут входить не только собственно решения судов, но и иная информация (что и отражено в термине МОД). Кроме того, определение «эталонный» в термине МЭД более точно соответствует смыслу понятия «оптимальный, рациональный», нежели термин «идеальный», который ассоциируется с термином «безгрешный».

В статье [17] говорится, что создание БИРС (в нашей терминологии – МЭД), «можно поручить аналитическим коллегиям арбитражных судов и судов общей юрисдикции уровня субъекта РФ, обобщение - группе судей ВС РФ. В банк войдут решения, образцовые с точки зрения определения подсудности, круга лиц, участвующих в деле, предмета доказывания, перечня доказательств, верно мотивированные с правовой и фактической точек зрения, не содержащие противоречий в выводах. Такие решения могут пройти одну или несколько судебных инстанций, но, главное, не подлежать отмене».

Результатом такого применения ИИ может стать формирование трафарета электронного правоприменения (ТЭП). Данный термин предложен автором и отражает специфическую особенность использования ИИ, а именно: трафаретность правоприменения.

В работе [17] написано о еще одном направлении использования ИИ в судопроизводстве, а именно о применении ИИ на уровне судов апелляционных и кассационных инстанций для предварительного анализа решения суда первой инстанции и его сравнения со сформированной в эталонном массиве судебной практикой.

«При этом такое сравнение должно представлять собой не оценку правильности судебного акта, а, скорее, оценку степени его мотивированности, на основании содержащейся в тексте судебного акта оценки доказательств, представленных сторонами. В таком случае суд апелляционной (как, впрочем, и кассационной) инстанции сможет эффективно проверить, были ли представлены все необходимые

доказательства, получили ли они оценку суда первой инстанции. Правильность такой оценки, верность применения норм материального и процессуального права по-прежнему должны оставаться задачей судей вышестоящих инстанций» [17].

Приказное производство как площадка для отработки технологий ИИ в правоприменении. Исследователями неоднократно выдвигались идеи о том, чтобы автоматизировать дела, рассматриваемые в порядке приказного, особого и упрощенного производства, а также расширить применение автоматизации к делам, связанным с административными правонарушениями и корпоративными спорами [19].

Автор этой работы согласен с положениями статьи [1] в той части, где говорится, что с целью «минимизации возможных ошибок юристов-роботов простые дела с повторяющимися фактическими сценариями представляют оптимальную платформу для кибернетических экспериментов. В приказном производстве не исключается применение искусственного интеллекта, поскольку такая работа не связана с анализом правоотношений сторон и в большей степени носит технический характер».

Применению ИИ в приказном производстве посвящены статьи [20], [21].

В статье [1] описывается применение систем типа ГАС «Правосудие», «Юнисервис», «Картотека арбитражных дел» (КАД) и «Мой Арбитр». Данные системы по своему функционалу могут быть отнесены к системам типа B-FLAI [22].

Следует отметить, что в работе [22] для теоретического анализа использования ИИ в судопроизводстве предложен концепт обобщенного искусственного интеллекта, который описывается аббревиатурой **FLAI (future law artificial intelligence)**, чтобы подчеркнуть, что речь идет об определении как ныне существующих систем, так и тех, которые будут доработаны с улучшением их функциональности в кратко- или среднесрочной перспективе.

Введением понятия FLAI автор работы [22] уходит от необходимости уточнения дефиниций «слабый/сильный» искусственный интеллект или «узконаправленный/универсальный» искусственный интеллект и других дихотомий, а также от необходимости точного указания на технологию реализации (сверточные

нейросети, рекуррентные нейросети, нейросети прямого распространения, фреймовые технологии, семантические графы и т.д.), сосредоточившись на ключевом, содержательном аспекте: обсуждению в исследовании подлежат компьютерные системы, способные выполнять задачи, которые обычно требуют интеллекта.

Для обеспечения возможности во всех дальнейших исследованиях незатуманенного «технологократизмом» философского осмысления содержательного значения процессов использования ИИ в судебном правоприменении (безотносительно редукционистского прочтения особенностей изготовленных средств ИИ), в работе [22] предложена следующая классификация FLAI – систем.

Представляется продуктивным для целей анализа разделить все FLAI – системы на различные функционально-ориентированные типы и, соответственно, провести классификацию FLAI-систем в соответствии с их ролью и местом в правоприменении. На основании этого классификационного признака (роль и место в правоприменении), все FLAI-системы можно разделить на четыре типа: B-FLAI (от английского *bailiff* - пристав); S-FLAI (от английского *secretary* - секретарь); R-FLAI (от английского *researcher* - исследователь); J- FLAI (от английского *judge* – судья).

Возвращаясь к обсуждению работы [1], нужно отметить, что дальнейшее повышение уровня используемых FLAI-систем в суде (выше уровня B, в том числе, до систем S-типа и R-типа) предусматривается в сервисе «Правосудие онлайн» (автоматизация составления проектов судебных актов на основе анализа текста и материалов дела). Также ИИ должен расшифровать аудиопротоколы и создать интеллектуальную поисковую систему для анализа судебной практики [1]. По системе КАД можно вычислять одновременную подачу нескольких заявлений о выдаче судебных приказов для скорейшего начала процедуры банкротства ответчика в обход требований реального кредитора [1].

Как отмечается в работе [1], применение искусственного интеллекта при разрешении споров в условиях наличия неопровергимых доказательств и

отсутствия возражений ответчика позволяет сократить время производства и разгрузить судей, сделать правосудие более доступным.

«Современная модель процедуры упрощенного производства в виде истребования сведений, необходимых для подготовки дела к судебному заседанию, получения из государственных органов информации в порядке ЭДО, безусловно, способствует внедрению и применению в ней ИИ, поскольку, в случае отсутствия оспариваемых сторонам фактов, ИИ может способствовать более быстрому принятию решений. ИИ может также оказать существенную помощь суду на стадиях подготовки дела и исследования доказательств. В совокупности использование унифицированных форм документов совместно с электронным документооборотом позволит ИИ максимально быстро определить существенные обстоятельства, необходимые для правильного разрешения дела» [1].

В качестве примера в статье [1] рассматривается следующая ситуация: истец представил в суд в качестве доказательства договор поставки товара и универсальный передаточный документ (УПД), исходя из которых товар передан ответчику, но своевременно не оплачен, претензий со стороны ответчика не заявлено.

«Такая категория споров в рамках поставки товаров считается одной из самых распространенных. ... по разным причинам такие дела могут затягиваться, создавая необоснованную нагрузку на суд, а также ставя добросовестного поставщика в крайне невыгодное положение. При таких обстоятельствах дела искусственный интеллект может быстро оценить бесспорные доказательства, дополнительно истребовать в порядке межведомственного взаимодействия из налоговых органов сведения, подтверждающие получение ответчиком налогового вычета на основании предоставленной в суд УПД. Имея прямые и косвенные доказательства, подтверждающие поставку товара, ИИ может оперативно вынести обоснованный судебный акт и автоматически направить электронный исполнительный документ к взысканию» [1].

Перспективы автономизации деятельности ИИ. Действующий нормативный документ ГОСТ Р 71476 – 2024 «Искусственный интеллект. Концепции и

терминология «искусственного интеллекта» предусматривает шесть степеней автономности ИИ. При этом нулевая степень автономности соответствует ситуации, когда оператор полностью контролирует систему и управляет ею, а шестая степень автономности соответствует ситуации, когда система ИИ способна модифицировать свою целевую область применения или свои цели без внешнего вмешательства, управления или надзора. Степени автономности с первой по пятую являются промежуточными и соответствуют так называемым гетерономным системам ИИ, что приводит к объединению человека и машины в команду (систему «усиления интеллекта» человека).

В работе [3] отмечается, что технологические возможности обнаруживают такой вариант применения цифровых технологий при разрешении споров, когда их использование может быть настолько автономным, что уже на текущем уровне развития будет создана возможность вне участия суда регулировать отдельные процессуальные вопросы.

«Так, через сервисы «Интерактивный помощник», «Модуль определения подсудности», «Калькулятор пошлин» возможно решать вопрос принятия искового заявления к рассмотрению. Причем это будет решение практически в режиме реального времени и, как справедливо, отмечается в литературе, с настолько высоким уровнем проверки информации, что, вероятно, будут исключены ошибки, связанные с неверным принятием искового заявления к производству из-за отсутствия у суда всех необходимых сведений на момент возбуждения дела (например, об уже ранее рассмотренном тождественном иске); либо наоборот - исключены некоторые ошибки, связанные с неправильным определением подсудности, неверным размером оплаченной государственной пошлины и т.д.» [3].

При этом в работе [4] подчеркивается модификация принципов гражданского процессуального права, а также потребность в ином толковании конституционных норм, регулирующих вопросы доступа к правосудию, под влиянием цифровизации цивилистического процесса.

В работах [5 - 7] выражается иная точка зрения, сводящаяся к тому, что под влиянием цифровых технологий сущность принципов остается неизменной, хотя их содержание модифицируется.

В работах [8, 9] отмечается, что простое внедрение автоматизации процедур в судопроизводство может привести к нарушению основополагающих принципов осуществления правосудия, поэтому необходимо создавать адекватные правила для неотвратимой трансформации роли и функций суда, добавляя новый вектор понимания технических факторов для обеспечения принципов правосудия.

Как отмечается в статье [3], автономное применение цифровых технологий в цивилистическом процессе подразумевают иной формат отношений суда, государства и заинтересованных лиц.

Так, в статье [3] говорится: «в классической схеме гражданских процессуальных отношений они выстраиваются в вертикали правоотношений «суд - участник процесса». В соответствии с этой конструкцией суд имеет полномочия, реализуемые им прямо в соответствии с законом, а также на уровне дискреции. И, что принципиально, эти отношения существуют непрерывно в течение всего периода рассмотрения дела в соответствующей инстанции». «По некоторым вопросам процессуальные отношения могут возникать еще до возбуждения дела - перед вынесением определения о принятии искового заявления, однако по своей сути эти отношения, хотя и имеют процессуальную природу, стоят вне процессуального правоотношения, юридически и логически предшествуя ему» [3].

Важным моментом, на который обращает внимание автор статьи [3], является то, что применение цифровых технологий способно разорвать логику классической идеи процессуальных отношений. «Посредством цифровых технологий возможно более качественно решать некоторые вопросы, в том числе такие значимые и объемные, как возбуждение дела в суде в каждой из инстанций, выдача судебного приказа, выдача исполнительного документа. Это предложение связано в первую очередь с более качественным решением вопроса, устраниющим ошибки вследствие невозможности суда проверить весь объем информации. Те же самые действия, совершаемые судом, будут более затратны по времени, трудовым ресурсам и менее

точны с позиции сопоставления необходимых для решения вопроса фактов. Таким образом, рассмотрение этих вопросов посредством алгоритма повышает качество их решения для заинтересованных лиц, для суда и для государства в целом» [3].

В статье [3] обращается внимание на риск алгоритмизации права, лишения его гуманистического наполнения. «Суд, даже если оставить за ним функцию вынесения соответствующих процессуальных документов, будет лишь воспроизводить данные, полученные с помощью цифровых технологий. Таким образом, будут отсутствовать главные компоненты судебной деятельности, проявляющейся через личность человека: свободная оценка доказательств и усмотрение суда. Следовательно, нецелесообразно вовлекать суд лишь в качестве формального участника в действия, которые могут быть совершены без его участия. Однако это ставит вопрос о том, как будут регулироваться соответствующие отношения, на каких принципах они будут строиться и каким образом будут организованы гарантии, обеспечивающие защиту прав заинтересованных лиц в случае обнаружения технической ошибки» [3].

Автор работы [3] считает, что первый вопрос (на основе каких принципов будут организованы правоотношения, возникающие в связи с принятием алгоритмизированных решений в рамках осуществления правосудия?) предполагает отказ от распространения на эти отношения принципов цивилистического процесса. Предполагается, что это происходит на том основании, что эти отношения возникают не с судом.

«По своей сути это отношения, складывающиеся между государством, предоставляющим доступ к алгоритму, и гражданином, использующим его. Таким образом, в состав принципов, регулирующих эти отношения, должны включаться принципы, обеспечивающие достоверное и надежное взаимодействие пользователя (как заинтересованных лиц, так и суда) с цифровыми технологиями» [3].

Исходя из такой трактовки описанных выше отношений, еще большую актуальность приобретает тезис о том, что каждый субъект должен иметь право на классический, «нецифровой» способ рассмотрения его вопроса в суде [10].

Отдельной проблемой представляется проблема деликтов, связанных с деятельностью государства применительно к сфере защиты права. Данный вопрос является актуальным, поскольку даже применение по аналогии действующих норм ГК РФ для решения возможных проблем с ИИ, неизбежно вызовет определенные затруднения [3]. Это связано с тем, что «по своей природе деятельность по вынесению алгоритмизированных решений организована государством, связана с судебной деятельностью, но сама таковой не является. Субъектом правоотношений выступает не суд, а государство: как заказчик соответствующей программы, как ее собственник и как субъект, осуществляющий организацию государственной деятельности в определенной сфере. Нарушения прав заинтересованных лиц, возникающие при вынесении алгоритмизированных решений, относятся к сфере деликта: это не вызывает сомнений. Но вот дальнейших исследований, уточняющих этот вопрос, не проводилось, между тем как актуальной является проблема определения подходов, применимых к деликтным обязательствам вследствие нарушения прав заинтересованного лица при принятии алгоритмизированных решений. К отношениям с участием робота (не конкретизируя сферу правоотношений) доктрина предлагает применять ст. 1079 ГК РФ, но положения этой нормы не могут быть распространены на деликты, вызванные недостатками программы и ошибками ввода» [3].

В работе [3] отмечается целесообразность разработки специальной нормы, регулирующую деликт, возникающий в сфере публичной защиты субъективного права при принятии в отношении заинтересованного лица алгоритмизированных решений.

Автор работы [3] полагает, что в случаях, когда с помощью цифровых технологий могут решаться вопросы процесса, в которых требуется сопоставление информации, например, действительность доверенности, предъявленной в судебном заседании, достоверность ряда доказательств и некоторые иные вопросы, на такие отношения не может быть распространена конструкция, предусматривающая возникновение правоотношений в связи с принятием алгоритмизированных решений.

«В приведенных примерах итоговое решение по конкретному вопросу принимает суд, и, несмотря на то, что оно полностью может быть основано на данных, полученных с помощью цифровых технологий, в решении вопроса присутствует волевой и интеллектуальный момент. Он связан с согласием либо с несогласием суда со сведениями, сформированными при машинном анализе информации. Наиболее подходящей будет параллель с заключением эксперта: несмотря на то, что эксперт обладает специальными знаниями, суд при рассмотрении дела оценивает не только тот вопрос, сведения по которому сообщает эксперт суду, но всю совокупность сведений, имеющихся в конкретном деле. Причем в отличие от вопросов наличия права на предъявление иска либо права на получение исполнительного документа, полная замена судьи в данном случае нецелесообразна. Моменты начала и окончания каждой из стадий процесса, как правило, наиболее формальны. Поэтому, опираясь на эту характерную особенность процессуальной деятельности, право на получение исполнительного документа, право на получение судебного приказа может быть абсолютно стандартизировано и в этом отношении не будет требовать судейского усмотрения» [3].

Проблема обеспечения равного доступа всех сторон к технологиям ИИ.

Стандартизация совершаемых действий посредством цифровых технологий делает актуальной проблему оказания процессуальной помощи слабой стороне в процессе. При этом в работе [3] отмечается, что при использовании цифровых технологий вариативность действий не может простираться в режиме индивидуальной помощи, она достаточно обезличена.

«Разрабатывать два алгоритма: для лиц, нуждающихся в помощи, и для лиц, которые не могут претендовать на оказание активной помощи со стороны государства, представляется спорным, по крайней мере на текущем этапе. Разработка и поддержание функционирования двух алгоритмов вместо одного, вызванная лишь соображением неоказания дополнительной помощи тем субъектам, которые не могут претендовать на процессуальные льготы, представляется неоправданной с экономической точки зрения. Из этого следует неизбежный вывод, что при решении вопроса об объеме помощи заинтересованным лицам по шкале

«помощь отсутствует - минимальная помощь - помощь по отдельным вопросам - полная помощь», оказываемой в случаях вынесения алгоритмизированных решений, будет выбрана крайняя максимальная точка: полная помощь. Запрограммированное оказание полной помощи будет означать, что она оказывается всем заинтересованным лицам без исключения. На уровне алгоритмов это решение означает разработку максимально подробных и интуитивно-понятных подсказок, подключение пояснений, примеров и создание механизмов оперативной помощи в виде чат-ботов» [3].

Проблема изменения принципов процесса. В работе [11] говорится, что «цифровые технологии перестают быть исключительно инструментом юрисдикционной деятельности, но могут приводить к видоизменению отдельных процессуальных институтов, а также влиять на саму сущность данной деятельности, приводить к «дематериализации» гражданского оборота и «деритуализации» права и процесса».

«Такое влияние представляется абсолютно неизбежным и закономерным с позиций материалистической диалектики, до сих пор являющейся инструментальной основой отечественной правовой науки; цифровые технологии, будучи использованными в качестве формы правоприменительной деятельности органов гражданской юрисдикции, неизбежно начинают влиять на содержание данной деятельности, как форма влияет на содержание. Кроме того, накопление количественных изменений, вносимых цифровыми технологиями в правоприменительную деятельность органов гражданской юрисдикции, не может в конечном счете не приводить к качественному изменению данной деятельности» [11].

При этом автор работы [3] считает, что «может измениться и структура правоотношений при судебном порядке защиты права. Вместо процессуальных правоотношений, возникающих с участием суда на всех стадиях гражданского процесса, могут появиться две группы правоотношений - с участием суда и с участием алгоритма. Охваченные единым смысловым значением, они все-таки будут разными по конструкции и по правовой сложности. Правоотношения с

участием суда и правоотношения по поводу вынесения алгоритмизированных решений требуют и различных методических подходов. В частности, необходимо решение вопроса о нормативном регулировании правоотношений, возникающих по поводу принятия алгоритмизированных решений».

Закономерным является вопрос о том, насколько использование ИИ изменит принципы процесса. Существуют различные мнения на этот счет.

«До тех пор, пока процессуальные отношения - это отношения с участием суда, принципы должны регулировать отношения, возникающие между судом и другими участниками процесса. И тогда, вероятно, более правы те ученые, которые считают, что состав процессуальных принципов может трансформироваться, но сама по себе цифровизация не приведет к появлению принципов, непосредственно связанных с ней. Однако закон не может не учитывать того, что в процессе защиты субъективного права совершаются юридически значимые действия, которые не могут быть охвачены принципами и другими правилами, регулирующими отношения заинтересованных лиц, суда и государства. Это означает, что необходима разработка состава этих принципов, а также определение взаимодействия процессуальных принципов с принципами, регулирующими функционирование цифровых технологий» [3].

Следует отметить, что воздействие информационных технологий на правореализацию и правоприменение, способное привести к радикальным трансформациям в праве, таким как существенные изменения традиционных форм реализации правовых норм, является следствием более общего процесса цифровизации государства.

Во многих работах отмечается, что «используемые в настоящее время в публичном управлении государственные и муниципальные информационные системы приобретают черты самостоятельных форм применения права. Исполняя в автоматизированном режиме действия по обработке информации в соответствии с законодательно установленными нормами, в результате чего происходит осуществление субъективных прав и обязанностей участников информационных правоотношений, государственные и муниципальные информационные системы

фактически выступают в качестве «исполнителя права», т.е. применение права происходит в форме функционирования информационной системы» [13].

Более того, в работе [13] говорится: «В перспективе нельзя исключать, что при сохранении существующих тенденций правом действительно станет именно алгоритм (программный код). Собственно, в отдельных случаях это уже имеет место: например, смарт-контракты - это правовые документы, которые изначально создаются в форме программ. При этом их действие (исполнение) также обеспечивается программно - правилами информационной системы, в которых они реализуются. Вместе с тем в условиях, когда подобная реализация прав и обязанностей участников правоотношений признается и гарантируется государством, такое регулирование нельзя считать чисто технологическим - это правовое регулирование, находящее выражение в форме программного кода».

«Вполне вероятно, что при сохранении существующих темпов внедрения цифровых технологий в нашу жизнь вся сфера правотворчества может осуществляться путем разработки и утверждения различных программ. Смарт-контракт - это самоисполнимый договор. Что мешает в потенциале появлению самоисполнимых нормативных актов в форме тех же государственных информационных систем (или более современных технологий, которые придут им на смену)? Таким образом может быть преодолен разрыв между нормативным актом, регулирующим конкретный круг общественных отношений, и технологией, которая обеспечивает его исполнение» [13].

Разумеется, если такое кардинальное изменение во всей системе права станет явью (а не теорией), оно неизбежно затронет сферу правоприменения, в которой ИИ (в любом типе FLAI-системы) будет весьма органично соответствовать новым реалиям «цифрового» права.

Опыт Китая. Разнополярные результаты. Наиболее значимые (и неоднозначные) результаты внедрения ИИ в судебную практику достигнуты в КНР. В статье [1] отмечается, что в 2022 году Верховный народный суд КНР обязал судей при принятии решений консультироваться с искусственным интеллектом. ИИ не выносит решения за судью, однако система построена таким образом, чтобы при

разногласиях судьи и искусственного интеллекта судья был обязан занести в систему объяснение своего решения. Если судья решит отклонить рекомендации ИИ, ему нужно будет письменно мотивировать это решение. Сделано это не для замены живого судьи на электронного, а для снижения уровня коррупции и необоснованных решений. ИИ автоматически проверяет судебные дела на наличие необходимых доказательств, а также рекомендует законы и постановления, наиболее точно отвечающие существу спора [1].

Согласно данным Пекинского Интернет-суда, в первый год работы с февраля 2019 г. по февраль 2020 г. судом были рассмотрены более 25 тысяч дел. Все 100 % дел были возбуждены по заявлениям, поданным онлайн. При этом нужно отметить, что более чем в 92 % случаев все стадии судебного разбирательства были проведены онлайн от начала до конца [15].

Помимо Интернет-судов, Верховный народный суд КНР в рамках продолжения и развития экспериментов в судах ввел с 2019 года в 12 городах и провинциях Китая так называемые мобильные суды. Они позволяют пользователям и судьям выполнять процессуальные действия (удаленное участие в заседаниях, предъявление доказательств в режиме реального времени и др.) на смартфоне с применением технологий распознавания лиц и других систем электронной идентификации с помощью приложения WeChat, которым пользуется около 1 млрд китайцев [14].

Искусственный интеллект ежедневно обрабатывает около 100 тыс. дел по всему Китаю. По данным Верховного народного суда Китая, ИИ используется во всех областях правовой системы и принимает участие в каждом судебном акте. Система «Умный суд» SoS (System of Systems, система систем) теперь подключается к столу каждого судьи по всей стране [1].

Безусловно, опыт КНР будет учтен при выработке практических рекомендаций по использованию ИИ в правоприменении на территории России. Особое внимание нам стоит обратить и на такой факт: некоторые исследователи китайских инноваций говорят, что теперь судьи придерживаются рекомендаций ИИ, чтобы избежать необходимости оспаривать систему, даже если искусственный

интеллект выбирает менее подходящий справочный материал или закон для данного дела [1]. Теперь индивидуальное суждение, опыт и подготовка судьи отойдут на второй план, а вместе с ними – «человечность» суда, уступив место его роботизации.

Заключение. Проведенный анализ показывает отсутствие актуальности вопроса о теоретической правосубъектности ИИ. Поспешное и необоснованное наделение ИИ правосубъектностью неизбежно приведет к тому, что ИИ вместо служения человеку будет заниматься защитой своих собственных «прав», то есть, кубиты данных превратятся в «кульбиты права».

Предложенный автором концепт FLAI-систем [22] позволяет сделать вывод, что для нижнего уровня FLAI-систем, то есть, для систем типа B-FLAI, правосубъектность ИИ не имеет смысла, поскольку системы B-FLAI выполняют служебные функции интерфейса судебной системы. Для верхнего уровня FLAI-систем, то есть, для систем типа J-FLAI, правосубъектность ИИ не имеет смысла, поскольку философский взгляд на проблему ИИ не предполагает автономное направления правосудия «электронным» судьей.

Реальными проблемными вопросами правоприменения искусственного интеллекта в судебной сфере являются вопросы создания МОД (МЭД), вопросы определения рационального «ареала» ИИ внутри судебной сферы (типа приказного производства), а также создание такой системы, при которой человек – судья не будет следовать за решением ИИ в противоречии со своим внутренним убеждением (опыт Китая).

Литература

1. Жмакин Г.Н. Искусственный интеллект в судебном процессе // Вестник гражданского процесса, 2024, № 2.
2. Альбов А.П. Цифровые технологии правоприменения: новые модели и риски // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата, 2020, № 2, стр. 25 – 30.

3. Стрельцова Е.Г. О правоотношениях в цивилистическом процессе при применении цифровых технологий // Вестник гражданского процесса, 2024, № 2.
4. Ярков В.В. Принципы гражданского процессуального права в условиях деритуализации и дематериализации правосудия // Арбитражный и гражданский процесс, 2020, № 11.
5. Константинов П.Д. Влияние информационных технологий на принципы гражданского процесса (сравнительно-правовое исследование на примере России и Франции): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 2022.
6. Плешанов А.Г. Информационные технологии и система принципов цивилистического процесса: вопросы корреляции // Арбитражный и гражданский процесс, 2022, № 7.
7. Кондюрина Ю.А. Принципы цивилистического процесса в системе электронного правосудия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Саратов, 2020.
8. Харитонова Ю.С., Ян Т. Правовые проблемы трансформации основных начал правосудия в условиях цифровизации цивилистического процесса в России и Китае // Вестник гражданского процесса, 2023, № 1.
9. Кружалова А.В. Инновационные средства фиксации информации в арбитражном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Саратов, 2022.
10. Овчинников А.И., Фатхи В.И. Цели и задачи правовых экспертиз в сфере применения цифровых технологий: обеспечение безопасности общества и прав человека // Философия права, 2024, №4, стр. 27-34.
- 11.Брановицкий К.Л., Ренц И.Г., Незнамов Ал.В., Незнамов Ан.В., Ярков В.В. Цифровые технологии и цивилистический процесс: проблемы взаимовлияния // Herald of The Euro-Asian Law Congress, 2018, № 2.
12. Гафурова С.Р. Цифровизация цивилистического процесса // Общество и цивилизация, 2022, № 1.
13. Амелин Р.В., Чаннов С.Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. – М.: Норма, 2013.

14. Драгилев Е.В., Драгилева Л.Л., Дровалева Л.С., Паламарчук С.А. Информатизация судебной системы Китая // Юридическая наука, 2022, № 8.
15. Журкина О.В. Цифровое правосудие как элемент реализации концепции электронного государства: на примере интернет-судов Китая // Балтийский гуманитарный журнал, 2021, № 3.
16. Брянцева О.В., Солдаткина О.Л. Электронное правосудие в России: проблемы и пути решения // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2019, № 12.
17. Смагина Е.С., Фролова Е.Ю., Кожухова А.С. Искусственный интеллект в цивилистическом процессе: проблемы обучения и внедрения // Вестник гражданского процесса, 2024, № 2.
18. Соседова М.В. Возможность применения искусственного интеллекта при рассмотрении отдельных гражданских дел: предсказанное правосудие // Арбитражный и гражданский процесс. 2020, № 5.
19. Анисимова А.С., Спиридонова М.П. К вопросу о возможностях использования технологий искусственного интеллекта в правосудии // Юридический вестник Дагестанского государственного университета, 2021, № 3.
20. Трезубов Е.С. Исключение из судебной нагрузки «недостойных дел» за счет внедрения технологий искусственного интеллекта // Вестник гражданского процесса, 2024, № 2.
21. Фокин Е.А. О перспективах перераспределения судебной компетенции по делам приказного производства // Журнал российского права, 2023, № 7.
22. Маковская П.Н. Принципы использования искусственного интеллекта в решении экономических споров: от советчика до «электронного судьи» // Евразийское пространство: экономика, право, общество, 2025, № 10.
23. Ахметьянова З.А., Ахметьянов А.Р. Искусственный интеллект – объект или субъект права? // Юрист, 2024, № 6.
24. Нечкин А.В. Конституционно-правовой статус искусственного интеллекта в России: настоящее и будущее // Lex russica, 2020, № 8.

25. Чаннов С.Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права // Актуальные проблемы российского права, 2022, № 12.